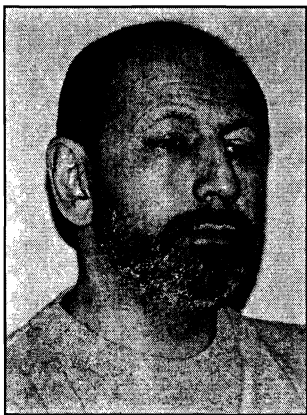

Истина: вечная тема и современные вызовы

И. Т. КАСАВИН

Последнее время тема истины, уходящая корнями в самую глубину истории философии и культуры и казалось бы подзабытая современными эпистемологами, вновь стала привлекать внимание. Она внезапно, синхронно и независимо друг от друга стала предметом систематического рассмотрения сотрудников сразу двух секторов¹ Института философии РАН, темой обсуждения на семинаре «Проблемы рациональной философии»², а еще раньше – оказалась в фокусе «Панельной дискуссии» нашего журнала³, которая, возможно, сыграла в ее актуализации свою роль. Нам хотелось бы если и не подвести итоги данному процессу, то хотя бы попытаться понять его как симптом новых сдвигов в эпистемологическом дискурсе наших дней⁴.

¹ Сектора социальной эпистемологии («Понятие истины в социогуманитарном познании». М., 2008, под ред. А.Л. Никифорова) и сектора эволюционной эпистемологии («Многомерность истины». М., 2008, под ред. А.А. Горелова и др.).

² 60-е заседание, декабрь 2008, докладчик П.С. Куслий, оппоненты И.А. Герасимова, Г.Б. Гутнер.

³ См. дискуссию по статье: А.Л. Никифоров. Понятие истины в теории познания // Эпистемология & философия науки. 2008. № 2.

⁴ Все это весьма радует автора этих строк, также вносящего последнее 20 лет скромный вклад в обсуждение данной темы в рамках и журнальных дискуссий, и монографии, и статьи в «Новой философской энциклопедии».

1. К ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ

В философии различаются две основные позиции по отношению к истине: узкая и широкая. *Узкая позиция* предполагает отнесенность понятия истины только к логически правильно построенным предложениям естественных и искусственных языков, а именно к повествовательным суждениям субъектно-предикатного вида, к которым применима бинарная истинностная оценка (истина-ложь). Это операционалистская позиция, позволяющая однозначно различать истинные и ложные суждения с помощью определенного *критерия истины*, отличающегося от *понятия истины*. Так, если *логически истинным* признается, к примеру, суждение, соответствующее определенным правилам логического вывода, то истинность правил вывода требует независимого основания, – в данном случае она зиждется на авторитете данной логической системы в целом. Так, постулирование А. Тарским метаязыкового характера понятия истины позволяет свести истину к логической онтологии, к отношениям между предложениями (таблицы истинности для логики высказываний, например). Это имело неоднозначные следствия как для корреспондентной, так и для когерентной концепции истины. С одной стороны, утрачивала смысл реалистическая позиция, видевшая в истине отношение между знанием и некоторой внешней ему реальностью. Из этого было недалеко до вывода о том, что понятие истины может быть вообще исключено из науки в качестве «псевдопредиката». С другой же – получало новые импульсы и аргументы понятие *теоретической истины*, относящееся к семантическим связям внутри сложных концептуальных образований и не предполагающее сопоставление ни с какой онтологией, кроме производной от данной теоретической системы.

Эмпирическая истинность, напротив, может устанавливаться с помощью процедуры эмпирической проверки (верификации), однако сама верификация на деле представляет собой также не непосредственное сопоставление знания с внешней ему реальностью, но сравнение «протокольного предложения» наблюдения с предложением, являющимся логическим следствием из теории. Если же истинность верификации должна быть независимо обоснована, то это могло быть выполнено лишь в рамках реалистической позиции, к примеру, с помощью представления ее в качестве метода, объединяющего теорию с практикой. Критерий истины носит, таким образом, во всех случаях онтологический (или квазионтологический) характер, т.е. включает предпосылку об *особом характере реальности*, отнесение к которой обеспечивает совершенство знания. И только в реалистической позиции критерий истины имеет сугубо *внешний* по отношению к понятию

истины характер. Известный тезис В.И. Ленина о том, что практика выше теоретического познания, типичен как раз для такого объединения гносеологических и онтологических предпосылок в качестве понятия и критерия истины в условиях приоритета последнего. Однако в рамках марксистско-ленинского понимания истины реализм оказался несовместим с узким подходом в силу расплывчатости и предельной широты понятия практики.

Узкий подход является источником как философских, так специальных, нефилософских теорий истины, а *широкий подход*, как правило, ограничен философским пониманием истины. В этом случае теряет смысл жесткое противопоставление суждения и понятия, а также онтологизация определенной логической формы предложений вообще. В рамках широкого подхода истинным может быть не только утвердительное описательное суждение, но и модальное суждение (моральная норма, эстетический идеал, критическая оценка), вопросительное предложение, философская или научная проблема, неявно (невербально) выраженное убеждение, практическое действие. В качестве двух наиболее представительных концепций внутри широкого подхода можно назвать *онтологическую* и *трансценденталистскую* концепцию истины. Примером первой является позиция М. Хайдеггера, придававшего понятию истины всеобъемлющий характер и приписывавшего ему предикат «изначальности» (*abkünftig*) и «несокрытости» (*Unverborgenheit*), т.е. подлинности, высшей реальности почти в платоновском духе. Эта позиция и в самом деле ведет свое начало от античности. Истина является определяющей для характеристики описываемого Платоном верховного мира идей, для Аристотеля понятия бытия и истины также почти синонимы. *Не идеал рассуждения, но идеал чувственных несовершенных вещей*, к которому на деле стремится соответствовать в своей работе ремесленник, политик и художник, – вот главное содержание понятия истины в античной философии. И то классическое определение истины, которое мы находим у Фомы Аквинского – «*veritas est adaequatio rei et intellectus*» – «истина есть тождество вещи и представления», следует понимать именно в данном контексте⁵. В любом случае речь здесь идет об истине как форме всеобъемлющей *гармонии* (согласованности, соответствия) – важнейшем признаке совершенства как реальности, так и знания о ней. Данной концепции чуждо разграничение понятия и критерия истины, а также отсутствует жесткое указание на доминанту такого

⁵ Необходимо отметить известную многозначность этой формулы, как скоро латинское «*res*» может переводиться и как «предмет», «мир», «природа», «сущность», «факт», «содержание», «причина», а «*intellectus*» – как «восприятие», «понятие», «рассудок», «значение» и «смысл».

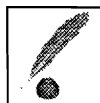
соответствия, скорее, знание как элемент реальности должно гармонически сочетаться с другими ее элементами, входить в единую систему мира.

Новое время вносит принципиально новое звучание в данное определение истины. Дуалистическая картина мира позволяет вывести из нее и кантовское согласие мышления с самим собой, и гегелевское тождество понятия и предмета, и позитивистское соответствие восприятия и факта, и многие другие более поздние теории истины. Однако важнейшая новация вызвана дальнейшим обособлением, специализацией и секуляризацией познавательной деятельности и состоит в том, что взаимоотношение бытия и познания, объекта и субъекта самым радикальным образом ставится под вопрос: *их соответствие из практикуемой высокой нормы бытия превращается в уже почти недостижимый идеал знания. Из области оснований бытия истина перемещается в сферу обоснования знания.*

2. НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИСТИНЕ ИЛИ ЕЕ ТОТАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ?

На полюсах современных дискуссий об обосновании знания и полагаются как раз две основные трактовки истины. Первая из них представлена нормативными концепциями истины (корреспондентной, когерентной и прагматической), вторая объединяет т.н. дефляционистские подходы, конечный смысл которых якобы в отрицании всякого значения понятия истины для науки и философии.

«Традиционные конфессии», как мы видим, в целом трактуют истину как функцию соответствия. Это может быть внешнее соответствие между знанием, с одной стороны, и внementsальной и внеязыковой реальностью – с другой; внутреннее соответствие между различными элементами знания; наконец, соответствие между знанием и формами деятельности и коммуникации, нередко понимаемое как «успех» или «польза». Мы не станем обсуждать некоторые технические трудности, касающиеся связи знания и реальности, истины и значения, истины в ее отнесенности к различными языковым и логическим формам, различия между понятием и критерием истины и т.п. Отметим только, что в рамках нормативного подхода истина в целом понимается как свойство знания, которое выражает его высшую степень совершенства и призвано превзойти такие его характеристики, как логичность, системность, осмысленность, рациональность, целесообразность. Данная идея, по-видимому, в общем виде не подвергается сомнению, и главная проблема встает лишь тогда, когда возникает необходимость в практическом применении идеи, в установлении

истинности некоторого положения, теории, концепции. Оказывается, что для выявления истинностного значения некоторого языкового выражения необходимо использовать вполне конкретные методы – логический анализ, подтверждение или опровержение теории фактами, поиск противоречий в формализованной системе, экспертную оценку практической эффективности теоретических рекомендаций. Однако в таком случае почти неизбежен вопрос о возможности редукции понятия истины к частным критериям теоретического или практического совершенства знания, и основания для табуирования такого рода редукции очень непросто указать. И в то же время точное установление истины некоторого знания равнозначно отбрасыванию принципов бесконечности познавательного процесса и неисчерпаемости реальности. Классические представления об истине нормативны в том смысле, что они предписывают определенное поведение познающему субъекту на основе допущений о приоритете рефлексии перед практикой, идеала перед реальностью, науки и философии перед повседневностью и здравым смыслом. Ими предполагается, что подлинное направление развития знания во всех ситуациях в основном заранее известно, а заблуждения могут быть минимизированы путем внешних требований к эмпирическому субъекту – познающему, действующему, коммуницирующему. Образ трансцендентального субъекта – всеведущего, беспристрастного, пребывающего в единстве бытия, мышления и языка – витает над нормативными концепциями истины.

Нетрадиционные концепции истины, выступающие в качестве альтернативы корреспондентной и когерентной теории, зарождаются уже в рамках прагматического подхода к истине у Дж. Дьюи и У. Куайна. И первый шаг здесь делается в направлении расширения понятия знания, преодоления жесткой демаркации научного и вненаучного когнитивного опыта. При этом все формы и типы поведения, деятельности и коммуникации обретают когнитивный смысл и становятся предметом эпистемологии. Это уже не просто знание как индивидуальный ментальный образ («субъективная реальность»), но знание как способ организации как человеческой, так и внечеловеческой реальности, универсального бытия человека в мире, форма совокупного познавательного процесса. Для эпистемологической рефлексии такое знание выступает в виде некоторой конвенции, т.е. совокупности того, что в *данной культуре и исторической эпохе считается знанием*.

Таким образом, если не учитывать множество нюансов и деталей, которые порой весьма существенны, можно сказать, что отказ от данной дихотомии базируется на переходе от менталистского к деятельностному и социокультурному представлению о знании, чему способствовали некоторые идеи от К. Маркса и до Л. Витгенштейна. По сути, речь идет о том, чтобы связать истину с реальным познанием, а не его идеальной и достаточно бедной моделью. Но связь с реальностью

оборачивается необходимостью включением в понятие истины и в процедуру истинностной оценки обширного круга социокультурных и психологических детерминаций и параметров, влияющих на познавательный процесс. Отсюда возникает *дескриптивистская альтернатива* классическому понятию истины. Истина уже не норма, которая используется для совершенствования, ограничения и оценки знания, это просто максимально приближенный к реальности образ знания «как оно есть».

Классическое определение истины А. Тарским, согласно которому утверждать, что высказывание является истинным, означает попросту утверждать само это высказывание, обнаруживает свою дефляционистскую перспективу. Сказать, что «снег бел» истинно», эквивалентно тому, чтобы просто сказать, что снег бел. Естественно, это «просто сказать» не столь просто, каким кажется на первый взгляд. Имеется в виду, что мы говорим и понимаем сказанное потому, что принадлежим к единой языковой культуре и даже культуре вообще. Высказывание о белизне, по Тарскому, является истинным, если снег действительно бел, то есть если предикат «быть белым» применим в обыденном или научном языке к окраске данного наблюдаемого вещества, представляющего собой достаточно сильно охлажденное соединение кислорода с водородом и опять-таки же в обыденном или научном языке именуемого «снег». Союз «если», очевидно, задает весьма мягко-модальные условия истинности и позволяет применять понятие истины только к предложениям метаязыка, поскольку в материальной действительности дело обстоит слишком сложно. Как только мы задаемся всерьез вопросом о белизне, то есть о действительной и однозначно-белой окраске снега, так сразу же убеждаемся, что речь идет о неопишимо большом количестве оттенков и цветов, начиная с черного и кончая розовым.

Ах, уж этот снег, описанный в стихах и запечатленный на картинах, чавкающий жидкой грязью под ногами и налипающий на протекторы машин, кружащийся синими хлопьями в морозном воздухе и лежащий серой ноздреватой губкой на весеннем поле! Даже человек, от всей души преданный замыслу построения философии чистого опыта, не смог бы не признать белизну снега всего лишь диспозиционным предикатом, то есть свойством, объективная фиксация которого тонет и тает, как кусок рафинада, в крепком чае многочисленных условностей и конвенций. Однако вопреки этому, нам ничего не стоит отличить снег, выпавший на весенний газон, от зеленой травы, уже выглядывающей из проталин, именно благодаря его белому цвету (за исключением тех редких ситуаций, когда на газоне, скажем, находит себе приют стая белых лебедей, наблюдаемая с высоты многоэтажного дома).

Мы фиксируем эту белизну даже не вопреки, а благодаря принимаемым нами многочисленным конвенциям, которые есть ни что

иное, как свернутые описания ситуаций наблюдения снега, в которых снег так или иначе приходилось отличать от других веществ. Белизна оказывается тогда лишь элементом сложного комплекса признаков, характеризующих снег, и только в этом контексте обретает статус существенного свойства, на котором можно строить концепцию истины и прочие теории. Хорошо, когда у некоторых наших наблюдений такая долгая история; в данном случае она совершенно недоступна аборигенам Центральной Африки, никогда не видевшим снега, и в то же время окажется небрежной и неполной в глазах аляскинского эскимоса, привыкшего различать сотни цветов и оттенков своего снежного окружения.

Таким образом, и у истоков корреспондентной концепции истины мы обнаруживаем предпосылки отхода от нее в направлении дескриптивизма. В логической (исторически все складывается более сложно) перспективе это ведет к замене истины на полезность, понимание, удобность, значимость, консенсус (Х. Прайс, Н. Гудмен, Ю. Хабермас) и далее – вообще к вымыванию понятия истины из эпистемологии (к этому тяготеют взгляды Ф. Рамсея, А. Айера, П. Фейерабенда, Ж. Деррида, Р. Рорти, П. Хорвича, Х. Филда).

И в этих условиях резкое противопоставление традиционных, классических и альтернативных, неклассических позиций оказывается наивным и неадекватным.

3. ОТЛИЧАЮТСЯ ЛИ ДРУГ ОТ ДРУГА НАУЧНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЯ ИСТИНЫ?

Различие интересов ученого и философа определяют и их точки зрения на проблему истины. Еще Гегель полагал, что эмпирические науки, изучающие природу, удовлетворяются представлением об истине как соответствии понятия (т.е. знания) объекту. Для философии, напротив, истина есть соответствие объекта понятию, под чем Гегель подразумевал соответствие эмпирического содержания знания нормам и категориям, разрабатываемым в рамках философии. Это типичный пример нормативного истолкования истины, критика которого предполагает, с одной стороны, согласие с Гегелем в признании специфики философского взгляда на истину, но и более глубокого проникновения в ее сущность – с другой.

Философское понимание истины не следует рассматривать как обобщение конкретных образов истины, принятых в науке, теологии, обыденном сознании – принципиальное различие объектов ставит такому обобщению непреодолимую границу. Это, скорее, результат анализа видов и форм знания, существующих относительно независимо от объекта. И в самом деле: ученый, исследующий некоторую область реальности, заинтересован в соответствии построенного им

образа реальности ей самой. Для достижения и проверки этого он использует, однако, те единственные средства, которые находятся в его распоряжении – средства анализа объекта, т.е. он оперирует со знанием теми же самыми орудиями, с которыми он подходил до этого к прототипу знания – объекту.

Философ же анализирует не то, что исследуют эмпирические субъекты, но то, как они это делают, какие методы они используют, из каких предпосылок они исходят и каких предрассудков они придерживаются, в каких социокультурных условиях они мыслят и действуют. Философская, т.н. трансцендентальная рефлексия шире всякой научной рефлексии уже в силу того, что целью ее является не знание само по себе, но общие условия знания вообще. Философская рефлексия хотя и не позволяет формулировать универсальные познавательные нормы (критерии истины, реальности, прогресса и т.п.), которые применимы в любых контекстах в качестве строгих предписаний, но она в состоянии служить более глубокому пониманию природы познания и условности его результатов. Соответственно философское понятие истины должно пониматься не как норма, но как интегральная картина познавательной ситуации, взятой «с высоты птичьего полета», в аспекте *topos noetos*.

Ведь как раз именно без такого рода картины и беспомощен исследователь, хотя бы изредка вынужденный поднимать голову от лабораторного стола к более общим проблемам. Иначе не понять своего места в науке и смысла своей деятельности вообще по отношению к более широкому контексту, а это, в свою очередь, является условием понимания и конкретной познавательной ситуации – многообразия ее предпосылок и возможностей ее разрешения. Философ при этом не предлагает сам конкретных решений: ученому, политику, верующему, налогоплательщику, озабоченным некоторым вопросом, предлагаются средства для осознания многостороннего характера ситуации, присутствующей ей диалогичности и полифонии, необходимости согласования своих субъективных предпочтений во имя совместного решения, а также весь риск права на личное мнение и ответственность. При этом сложная когнитивная ситуация, пусть даже не результируясь в некотором консенсусе, вместе с тем осознается как ситуация социального выбора, т.е. как ситуация, выход из которой в принципе возможен «мирными средствами», находящимися баланс между разногласием и согласием.

Истина, как и другие категории философской эпистемологии, не утрачивает смысла в культурном универсуме наших дней. Но это не весы, не линейка, и даже не электронный томограф. Истина не служит установлению фактов. Она призывает человека к критической рефлексии, творческому воображению, побуждает его к восхождению на верхние этажи сознания в конечном счете к мудрости⁶.

⁶ Подготовлено в рамках проектов РФФИ № 06-06-80208-а, РФФИ № 09-06-00322-а